

Меня зовут Космо

Автор:

[Карли Соросьяк](#)

Меня зовут Космо

Карли Соросьяк

Книга-событие

Пёс Космо – лучший друг Макса, верный защитник его сестры, 8-летней Эммалины, и надёжный помощник родителей ребят. Однако в последнее время Космо стал всё чаще заставлять Макса в слезах, потому что родители Макса и Эммалины часто ссорятся. Поэтому Космо, не жалея своих старых суставов (ему целых 13 лет!), берётся восстановить мир и согласие в семье. И даже вкуснейшая индейка на праздничном столе не собьёт его с выбранного пути!

Карли Соросьяк

Меня зовут Космо

Carlie Sorosiak

I, Cosmo

Text Copyright © Carlie Sorosiak 2019

Illustrations Copyright © Ben Mantle 2019

This translation of I, Cosmo is published by arrangement with Nosy Crow ® Limited

© Захаров А.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Посвящается всем собакам, которых я когда-либо любила и люблю до сих пор, особенно Ральфи, Салли, Дэни, Бадди, Фэйт, Хлое, Мэри Джейн и Оскару.

К. С.

Как различить, где танец, где плясунья?

Уильям Батлер Йейтс

1

В этом году я черепаха. Но я не хочу быть черепахой.

– Он поджал хвост, – замечает Макс, склонив голову. На его чудесном личике виднеется беспокойство. – Думаешь, шляпа слишком туго сидит?

Мы на крыльце, и нам улыбается странная тыква – Макс её вырезал и выпотрошил на прошлой неделе. Я съел семечки, хотя он мне и говорил: «Нет, Космо, нет». Мне очень трудно остановиться, когда я чувствую какой-нибудь новый и интересный запах.

Отец Макса, которого зовут Папа, поправляет черепаший панцирь на моей спине и говорит:

– Да нет, всё нормально. Ему очень нравится! Просто посмотри на него!

Это лишь один из бесконечного множества случаев, когда я жалею, что мой язык беспомощно болтается во рту. Потому что иначе я бы сказал на чистом человеческом языке, что черепахи – это жалкие создания, которые не могут даже перейти дорогу, а я перешёл много дорог, причём совершенно самостоятельно, без поводка. И этот костюм – просто позорище.

Я не знаю, что ещё делать, так что переворачиваюсь на спину и сучу лапами в воздухе. В спине тут же простреливает; я уже не так молод, как раньше. Но, надеюсь, Макс сумеет понять скрытый смысл моего жеста.

– Папа, по-моему, ему точно это не нравится.

Да, Макс! Да!

Папа чешет шерсть на моём подбородке и говорит:

– Ладно, ладно, обойдёмся без шляпы, но панцирь придётся оставить.

Маленькая, но всё-таки победа.

Потом на крыльцо выбегает Эммалина. Настоящий сгусток энергии, она просто сияет.

– Космооооо!

Она чешет мне за ухом маленькой ручкой, и я вспоминаю, почему меня раздели черепахой – потому что Эммалина попросила. Потому что ей это очень нравится. Я уже давно смирился с тем, что это одна из моих обязанностей – делать Эммалину счастливой.

Макс хватает Эммалину за руку и кружит, словно они танцуют. Её пурпурный супергеройский плащ развевается. На прошлой неделе я помогал Маме делать костюм: охранял ткань, свернувшись у её ног, а иногда она показывала мне, что уже сделала, и спрашивала: «Ну, что думаешь, Космо?»

«Чудесно, – отвечал я ей взглядом. – Просто чудесно».

– А мы Маму не подождём? – спрашивает Макс.

Он одет в тёмную одежду, на рубашке пятна, и, как мне кажется, он не то корова, не то жираф, хотя, конечно, представить его тем или другим довольно трудно. Жирафы на удивление глупые животные, а Макс очень, очень умён. Он знает три языка, строит модели ракет и умеет сворачивать язык в четырёхлистный клевер. Он даже может снять крышку с банки арахисового масла. Хотелось бы посмотреть, как у жирафа получится такое.

Папа отвечает:

– Она опаздывает. А я не хочу упустить все хорошие конфеты.

Макс говорит:

– Я просто подумал...

Но Папа перебивает его словами:

– Готов, Фредди? – Он очень любит это говорить, несмотря на то, что Макса зовут Макс. Вскоре мы вчетвером отправляемся в синеющие сумерки. Наш дом – одноэтажное кирпичное здание, большой газон и качели, на которых сейчас качается только Эммалина. Бумажные светильники стоят вдоль подъездной дорожки, освещая тупичок.

У меня встаёт дыбом шерсть на загривке.

Хеллоуин – худший день в году. Если вы не согласны, пожалуйста, задумайтесь ненадолго над моей логикой:

1. Большинство сладостей на Хеллоуин – шоколадки. В свой четвёртый Хеллоуин я съел шесть маленьких батончиков «Хершис», и меня тут же отвезли в ветеринарную клинику, где я провёл четыре часа, мучаясь жуткой болью в животе.

2. Человеческие детёныши выскакивают из-за кустов и кричат: «Бу!» Вообще ничего не понимаю. Одного из моих лучших друзей, немецкого короткошёрстного пойнтера, зовут Бу.

3. Клоуны.

4. Золотистые ретриверы вроде меня слишком преисполнены достоинства, чтобы носить костюмы. Я, конечно, ничего не имею против дождевиков, когда они на самом деле необходимы, но определённые границы всё-таки есть. Например, Мама однажды купила мне костюм кота, и я до сих пор окончательно не отошёл от этой травмы.

5. Бордер-колли спускают с поводка.

Позвольте мне чуть подробнее объяснить пятый пункт. Я не очень люблю конфронтации – ещё с тех времён, когда был маленьким щенком. Но вот для бордер-колли я делаю исключение.

Пять Хеллоуинов назад, в такую же самую ночь, мы с Максом подошли к дому с белой черепицей в конце улицы. Возле почтового ящика стоял большой угловатый фургон, а из двух открытых окон доносился запах жареной курицы. Я сразу понял, что у нас новые соседи – прежние соседи ели только и исключительно говядину. Над улицей повисла зловещая тишина, луну закрыло тёмное облако. Из-за огромного дуба во дворе, так быстро, что я даже заметить не успел, выскочила бордер-колли. Она была одета в зловещую розовую балетную пачку с крыльями как у феи, её серо-белая шерсть стояла дыбом.

Первой моей реакцией было сочувствие – вот, нас обоих постигла печальная судьба носить костюм. Я побежал к ней в своём костюме зайчика, собираясь вежливо поклониться, а потом по-соседски поприветствовать, дружелюбно понюхав попу. Но то, что произошло потом, было совсем не дружелюбным. За тринадцать лет жизни я такого не видывал.

Бордер-колли оскалила зубы и угрожающе зарычала на меня... и – клянусь! – её глаза засветились красным.

Я перепугался.

По-настоящему в ужас меня приводят лишь несколько вещей: поездки в кузове пикапа, пылесос (звук, резкий запах и то, как в нём всё исчезает) и опасность, грозящая Максу или Эммалине. Тем вечером, когда бордер-колли в последний раз окинула меня взглядом красных глаз, прижав уши и ощерившись, мой список страхов пополнился.

Раньше я очень гордился тем, что знаю имена всех собак в округе. Имена кое-что значат: с их помощью мы представляем себя миру. Возьмём, к примеру, «Космо». Мама однажды объяснила, что «Космо» означает «принадлежащий вселенной», и показала в небо, а Макс достал длинную металлическую трубу, с помощью которой можно рассматривать звёзды. Я сразу почувствовал себя очень важным, словно стал частью чего-то большего, чем я сам. Я очень сочувствую собакам, которых зовут Маффин, или Скуби, или Бисквитик. Как они вообще могут гордо задиравать хвост? А вот бордер-колли я называю только по породе. Я решил не давать своему страху имя.

Бордер-колли обычно сидит за деревянным забором, но каждый Хеллоуин её выпускают, чтобы поприветствовать гостей, пришедших за конфетами.

И мне приходится с ней встречаться.

Эммалина прыгает впереди нас, её кроссовки с подсветкой отбрасывают тени на тротуар. Я не спеша иду рядом с Максом, мой поводок свободно расположился в его руке. Вечер свежий, но не холодный – «погода для свитеров», как выражаются люди. Мою шерсть треплет ветерок, приносящий с собой разные замечательные запахи. Яблочный пирог! Белки! Прелые листья! Я даже ненадолго забываю о бордер-колли и моём нелепом костюме и наслаждаюсь запахами, виляя хвостом. Я прижимаю нос к земле, и почти сразу... о, что это? Сладкая кукуруза!

– Космо, – говорит Макс, слегка дёргая за поводок. – Перестань. У тебя будет живот болеть.

Но запах сладкой кукурузы настолько одуряющий, такой прекрасный, и он так близко, прямо на тротуаре, – и я делаю ещё одну попытку. Мой язык уже почти подхватывает её с земли, но тут меня оттаскивают.

Макс смотрит на меня, потом прибавляет шагу со словами:

– Извини, Космо. Я дам тебе печенье, когда придём домой, хорошо?

Я знаю, что Макс обязательно сдержит слово, так что опускаю голову и иду вслед за ним по дорожке из кирпича; там на веранде сидят две женщины, одетые в чёрные платья и остроконечные шляпы. За стеклянной дверью надывается от лая мальтийская болонка по имени Крикет. Общаясь с мелкими породами, я довольно быстро теряю терпение. Канал «Дискавери», который я часто смотрю, когда Макс и Эммалина в школе, говорит, что все собаки – потомки волков. Но, глядя на Крикет, которая едва мне до колен достаёт, я начинаю сомневаться в том, что учёные правы.

– О-о-о, – умиляется одна из женщин, бросая леденец на палочке в пластиковую тыкву Эммалины. – Кто у нас тут? Супергероиня и жираф?

Жираф! Вот, я знал!

Макс опускает голову – и я подталкиваю его ладонь, утыкаясь в неё носом; так я напоминаю ему, что я рядом. При встречах с некоторыми людьми Макс отказывается говорить, а биение его сердца отдаётся в пальцах.

– Ути боже мой, – говорит вторая женщина, увидев меня. – И черепашка! Космо, ты черепаха! Ко мне, малыш, ко мне!

Она стучит себе по коленям, словно я должен на них запрыгнуть. Судя по всему, она не знает о моём артрите. В последние несколько лет у меня побаливают суставы; иногда так жжёт, что дажелизать не получается. Тем не менее из чувства соседского долга я всё-таки упираюсь в её колени передними лапами, хотя и понимаю, что она надо мной посмеивается. Её пальцы пахнут маленькими колбасками, которые Мама заворачивает в тесто и запекает в духовке по праздникам. На Рождество в прошлом году я съел семь штук, когда Папа оставил свою тарелку без присмотра. Я до сих пор помню, как эти колбаски скользили мне в горло: тёплые, солёные, продолговатые. Четвёртый лучший день в моей жизни.

– К вам много народу уже пришло за конфетами? – спрашивает Папа женщин, держа руки в карманах джинсов.

– О, целая толпа! – отвечает та, что чешет меня за ушами. – Привидения, несколько пиратов, одно авокадо... а вечер ещё так молод!

Этого выражения я не понимаю. Как вечер может быть молодым?

Старый. Молодой. Обычно я нормально разбираюсь в возрастах. Эммалине пять лет. Макс – двенадцать. А мне – тринадцать, или, по человеческому счислению, восемьдесят два. В нашем районе только один пёс старше меня – жёлтый лабрадор по имени Питер, который передвигается с помощью тележки, приделанной к задним ногам. До меня доходили слухи о собачьих пелёнках, о таблетках, которые искусственно продлевают жизнь. Такие варианты – не для меня. Но ещё я знаю, что, как самый старший член семьи, я должен быть с ними как можно дольше и помогать всем, чем могу.

Как хорошо, что во мне ещё осталось столько жизни.

Мы уходим с веранды. На улице верещат детишки, родители бегают за ними с фонариками, а мы раз за разом повторяем одно и то же: подходим к соседям и выпрашиваем у них еду. Мне всегда казалось это интересным. Когда я клянчу еду, сидя под кухонным столом и просунув нос между коленями моих людей, результаты бывают разные. Иногда Макс отламывает мне кусочек бутерброда или даёт слизать мясной сок с тарелки. Иногда Папа кричит мне: «Фу!» и прогоняет в гостиную, и я печально жую там игрушку из веревок. У людей правила другие.

Я иду медленнее, у меня уже начинается одышка, и тут... мы приходим. Мы возле дома бордер-колли. У меня шерсть встаёт дыбом.

Но где же собака-демон? Я не вижу её! Даже не чувствую запаха!

Макс отвечает на мои поскуливания:

– Что не так, Космо?

Что не так? Костюм жирафа, похоже, действительно сделал что-то с его мозгами. Очевидно же: бордер-колли что-то замышляет!

Эммалина громко вдыхает, потом выдыхает:

- Пап, я устала.

Её плащ стелется по тротуару, на кромку налипли осенние листья.

- Хочешь домой? - спрашивает Папа. - Твои ведёрки почти полные.

Бордер-колли! Почему никто не беспокоится из-за бордер-колли?

Макс говорит:

- Как Эммалина скажет, так и я. Я конфет набрал, наверное, уже на год вперёд.

Что такое? Они втроём поворачивают к дому. Нет! Я упираюсь лапами в землю и отказываюсь идти. Если бордер-колли строит зловещие планы, её нужно остановить.

Макс тянет меня за поводок и говорит:

- Космо, пойдём, пожалуйста.

Нет.

Папа говорит:

- Космо, пойдём.

Нет.

Эммалина кладёт руки мне на спину:

– Космооооо.

В конце концов Папа берётся за поводок и тянет, медленно, но сильно, и мне приходится всё же уйти от дома бордер-колли, окна которого освещают осенний вечер янтарным светом. Стоп. Стоп! Стоп! В последнее мгновение, забежав прямо к ней во двор, я поднимаю ногу и выпускаю струйку мочи. Сигнал. Предупреждение. «Я тебя раскусил».

А потом ухожу. Взволнованный, но довольный.

Дома меня, как и обещали, угощают печеньем, а Эммалина с Максом делят сладости на полу гостиной: в одну кучку леденцы, в другую шоколадки, в третью – конфеты, которые никому не нравятся.

– Фу-у-у, – говорит Эммалина, отбрасывая в сторону коробочку с изюмом. Она так энергично качает головой, что её чёрные кудряшки летают туда-сюда. – Фу, фу, фу-у-у.

Я наблюдаю за ними с дивана, на который в последнее время забираться стало тяжеловато. Иногда мне это удаётся не с первой попытки, после нескольких неловких падений. Давным-давно меня вообще не пускали ни на какую мебель, что было мне совершенно непонятно. Разве моя собачья постель сделана не из похожих материалов? Почему на одном мне лежать можно, а на другом – строго запрещено? В конце концов Папа всё-таки перестал всеми силами защищать диван, и подушки постепенно приняли форму моего тела. Я узнал, что упрямство – это очень сильная штука.

На заднем плане работает телевизор. По экрану разгуливает говорящая чёрная кошка. Почему по телевизору всегда говорят только кошки? Где все говорящие собаки? Пёс из мультика «Вверх» говорит, но только с помощью ошейника-переводчика. Лесси, самая знаменитая телевизионная собака, только лает. Я размышляю над этой несправедливостью, и тут хлопает задняя дверь. Очень громко и не случайно. А потом слышатся голоса.

В кухне рычит мама:

– Дэвид, ты серьёзно?...

- Что? – спрашивает Папа.

- Ты должен был дождаться меня! Я же говорила, что задержусь на работе! Я даже не увидела детей в костюмах...

- Они ещё одеты в костюмы.

- Я имею в виду – как они гуляют и просят конфеты. Я должна была пойти с вами, помнишь? Или ты просто очень вовремя забыл?

- Так нечестно. Это ты опоздала.

Мама вскидывает руки.

- Я говорила тебе, что опоздаю. Поэтому и попросила дождаться меня!

Мне не нравится, как они друг с другом разговаривают. Лёжа на диване, я неодобрительно смотрю на них. Они что, не видят, что Макс и Эммалина счастливы, а их крики всё портят? Эммалина медленно сворачивается в клубочек и кладёт голову на ковёр рядом с коробочкой изюма, а Макс прижимает колени к груди.

- Давай просто... – говорит Папа. – Давай просто сфотографируемся, хорошо? Ты же этого хочешь, да?

- Что я хочу? Да тебе плевать, что я хочу.

Но мы всё равно фотографируемся – впятером садимся у камина и улыбаемся маленькому фотоаппарату. Через несколько мгновений срабатывает вспышка, и Макс быстро говорит:

- Ладно, я пойду спать.

Мама с надеждой смотрит на него:

- Ты не хочешь ещё немного посидеть? Посмотреть со мной «Хеллоунтаун»?

– Я... я немного устал.

– Ох, – отвечает мама. – Ладно, хорошо. Спокойной ночи, милый.

– Спокойной ночи. – Он целует Эммалину в лоб. – Эм, и тебе спокойной ночи.

Я иду вслед за Максом в спальню – как и каждый вечер. Со стен на нас смотрят плакаты с ночным небом. А ещё там большая фотография Гая Блуфорда, первого чернокожего космонавта. Он совершил четыре вылета на шаттле в начале восьмидесятых. Я знаю, потому что Макс мне об этом рассказывал; он мечтает стать космонавтом.

Свернувшись в ногах кровати, я кладу голову на лапы. Меня охватывает беспокойство. Что-то тут не так. Я слышал, что собаки умеют предчувствовать ураганы и цунами, когда те ещё во многих милях от берега. Тут что-то похожее.

Макс закрывает дверь – и тут же заливается слезами.

Он плачет?

Макс редко плачет. Только если свалится с велосипеда, или поскользнётся на льду, или...

У меня нет времени на обдумывание. Я просто реагирую: встаю, так быстро, как могу, и бегу к нему; он прижимается спиной к стене и сползает на пол. Я облизываю его лицо, уши, пальцы. Просовываю голову между его руками и кладу нос на плечо. Он дрожащими руками обнимает меня и шепчет прямо мне на ухо:

– Никогда не бросай меня, Космо. Никогда не бросай меня, хорошо?

С чего мне его бросать? Как я могу оставить Макса?

Я ещё крепче прижимаюсь к нему.

И мы сидим так ещё долго.

Я родился тринадцать лет назад крохотным щеночком в гараже близ Миртл-Бич, в Южной Каролине. О своей ранней жизни я мало что помню, кроме картонных коробок под лапами и визга моих братьев и сестёр, которые постоянно отпихивали меня от миски с едой.

Ещё я помню, как познакомился с Мамой и Папой. Тогда их звали Зора и Дэвид Уокеры.

Стояло бледно-голубое весеннее утро, и человек, менявший наши картонные коробки, наклонился к нашему загончику и длинным пальцем показал на мои передние лапы.

– Видите? Он косолапый. Все его сёстры отлично подойдут для выставок, а вот его я готов уступить за полцены.

Зора посмотрела на меня. У неё была круглая голова с чёрными кудрями и добрыми-добрыми глазами. Она пахла чем-то незнакомым; лишь позже я узнал, что это розмариновое мыло и яблоки.

Я лизнул ей тыльную сторону ладони – отчасти чтобы поздороваться, отчасти – чтобы узнать, какая она на вкус.

– Он такой милый, – протянула она.

– Ты точно не хочешь взять кого-нибудь из девочек? – спросил Дэвид.

Я впервые посмотрел на него и сразу понял, что он отчасти спаниель: длинный коричневый мех вокруг белого лба. С кем этого спаниеля скрестили, не знаю, но порода была явно остроносая.

– Точно, – ответила Зора.

В тот же день я уехал с ними в похожий на ранчо дом в тихом городке Северной Каролины. Я так сильно нервничал, что за четыре часа поездки меня два раза

вырвало, и Зора отмывала меня в ванне тёплой водой и тем самым розмариновым мылом, шепча: «Малыш Космо, всё хорошо». И всё действительно было хорошо. В первый год я постоянно обнимался с Зорой, живот которой становился всё больше, выучил несколько команд и узнал разницу между ковром и травой (если точнее: то, где можно делать лужи, а где – нет).

Потом появился Макс.

Через три дня после родов Дэвид взял Макса на руки и лёг на пол в гостиной, прямо рядом со мной.

– Ты теперь старший брат, Космо. Готов к ответственности?

Готов ли я?

Я озадаченно понюхал маленькое личико Макса. Я наивно считал, что люди рождаются поросшими шерстью, как собаки, а потом с возрастом эта шерсть опадает. Но, не считая нескольких клочков на голове, коричневая кожа Макса была мягкой и голой.

Старший брат. Я осознал, насколько же это огромная ответственность, лишь когда Макс приоткрыл глазки; они были немного остекленевшими, и в них виднелось что-то, что я могу описать лишь как восхищение. Он был идеален. Я тут же его полюбил.

Да. Да, я готов.

Я ответил коротким, но многозначительным «гав». Дэвид взял одну из ручек Макса и разгладил спутавшуюся шерсть на моём загривке – сам он обычно так не делал. Я решил, что мы в этот момент заключили договор: я буду защищать Макса, а Дэвид за это будет меня любить. В этот момент мы по-настоящему стали семьёй.

За двенадцать лет жизни я узнал интересное слово – doggedly[1 - Игра слов: Doggedly (англ.) [доггедли] – т. е. упрямо, упорно. Но первая часть слова в английском языке – дог – по звучанию совпадает со словом «собака» (dog).]. Оно означает «настойчиво и изо всех сил». Люди списывают это на собачье

упрямство – мы отказываемся отдавать палки, которые так приятно жевать, упираемся на пороге, когда на улице дождь. Но на самом деле мы так проявляем любовь – всем сердцем, вне зависимости от обстоятельств.

Я поклялся защищать Макса – и всю свою семью – с истинно собачьим упрямством, доггедли, до конца своей жизни.

3

Утром после Хеллоуина Макс встал рано. Я услышал, как он сбросил одеяло и на цыпочках прошёл по коридору в ванную. По трубам побежала вода.

В молодости я обожал утро так же сильно, как дети – Рождество. Я вскакивал, слыша движение, облизывал спящие лица, лаял возле задней двери: гулять, гулять, гулять! И в конце концов Папа сдавался, бурчал: «Ладно, Космо, ладно», и мы бродили по мокрой от росы траве, глядя на медленно поднимающееся солнце. Но теперь я уже не бегун. Сегодня болят даже кости.

Я осторожно поднимаюсь, вытягиваю задние лапы, а потом медленными, просчитанными шагами спускаюсь с мягкой постели, которую Мама сбрызнула цветочной водой. Люди очень болезненно относятся к запахам животных – всегда пытаются их скрыть другими ароматами, куда менее богатыми или приятными. У меня такая теория: поскольку люди облегчаются в туалетах, а не на улице, у них остаётся очень мало мочи, чтобы помечать территорию. А ароматизированная вода – это такая неудачная попытка замены.

Опять звуки: вода сливается в туалете, потом будильник, Мама что-то бормочет.

Еда. Эта мысль всё-таки приходит мне в голову. Я горжусь тем, что редко поддаюсь примитивным стремлениям, но вместе с тем нахожу, что еда – а также открытие и закрытие двери в гараже – лучший способ отсчёта времени. Я измеряю свои дни событиями, которые предшествуют уходу Макса в школу и возвращению из неё. Я мечтаю о лете, когда Макс никуда не уходит, и мы целые дни проводим у озера, бросая палки, готовя бургеры на гриле и прыгая с пирса в воду, где наши тела становятся невесомыми и свободными!

Мама заглядывает в комнату Макса и смотрит на меня.

– Доброе утро.

Я виляю хвостом и пытаюсь подбежать к ней, но слегка поскользываюсь на твёрдом дереве и скребу по нему когтями. Мне очень нравится, как все в этой семье разговаривают со мной – словно я тоже человек. С некоторыми собаками их люди общаются только командами: Сидеть! Лежать! Место! Никаких разговоров. Никакой человечности.

Вы вот когда-нибудь пробовали какать по команде? Это, знаете ли, непросто, совсем непросто.

– Хороший мальчик, – говорит Мама, присаживается и гладит руками мои щёки, которые, как говорят, уже совершенно белые. – Да, ты такой хороший пёс. Как спалось, а?

Она целует меня в лоб, и я иду за ней на кухню, где до сих пор сохраняется какая-то странная атмосфера. Стресс. Тревога. Печаль. Готов поспорить, люди даже и не знают, что у всех эмоций есть свои запахи, но несколько мгновений только их я и чувствую.

Передо мной ставят миску, и я быстро съедаю свой корм, а потом заедаю ложкой арахисового масла. Когда Мама отворачивается, я прижимаю арахисовое масло к нёбу и громко чавкаю, чтобы извлечь из него гладкую, круглую витаминку (Мама всегда так маскирует её) и тайком прячу в щель между шкафами и холодильником. Потом в кухню заходит Эммалина, всё ещё в пижаме, и мама торопливо ставит перед ней тарелку хлопьев. Словом, нас с Эммалиной кормят примерно одинаково.

Сегодня утром все куда-то торопятся, замечаю я. Всё идёт слишком быстро. Макс вбегает в кухню, его волосы ещё мокрые, и, едва успев попрощаться, убегает на большой жёлтый автобус. Папа забирает из холодильника ланчбокс с оставшимися со вчерашнего дня спагетти и уходит, вообще не сказав ни слова. А Мама, махнув рукой, показывает, что мне пора на задний двор; я немного там брожу, делаю свои дела, и меня почти мгновенно зовут назад. Я разочарован, потому что успел унюхать сразу несколько интересных запахов: что-то гнилое под кучей листьев, дым в воздухе, жёлтое пятно на траве, которое, может быть,

оставил я сам, а может быть, и нет.

Я и сам начинаю тревожиться.

Позже Мама говорит: «Будь сегодня хорошим мальчиком, хорошо, Космо?» и уходит через переднюю дверь вместе с Эммалиной. Макс оставил мне включённый телевизор, и за это я ему очень благодарен. Дни без телевизора – всё равно что без кислорода: мне приходится бесцельно бродить по дому, и тишину нарушают лишь стук моих когтей по полу да редкие телефонные звонки. Я сплю, чтобы убить время, потом просыпаюсь, пошатываясь, и пытаюсь найти себе хоть какое-нибудь развлечение. Игрушки для жевания надоедают где-то за неделю. Кота, с которым можно было бы поиграть, в доме нет. Двери туалета всегда запирают после того, как много лет назад я открыл для себя туалетную бумагу и в припадке безудержной радости размотал и разорвал с десяток рулонов. Так что телевизор – моё единственное спасение.

Макс по очереди включает несколько каналов, чтобы у меня было разнообразие. Меньше всего я люблю новости. Я не понимаю, как люди вообще их выносят, да и, если честно, как люди вообще выносят друг друга; иногда кажется, что весь мир полон злых людей, которые творят зло. (Моя семья, конечно же, исключение.) Канал «Дискавери» мне нравится куда больше: рассказы о пустошах на Аляске, выживании в экстремальных условиях и рыбах, которые больше меня! Но, должен признаться, самый мой любимый канал – «Классическое кино от Тёрнера».

Именно там я впервые посмотрел «Бриолин»[2 - «Бриолин» (англ. Grease) – музыкальный фильм 1978 года режиссёра Рэндала Клайзера. В фильме повествуется о романе старшеклассников Дэнни и Сэнди. Фильм, ставший классикой для семейного просмотра в США.].

То был вечер пятницы под конец зимы, моя семья заказала пиццу из ресторана рядом с продуктовым магазином: три большие пиццы с пепперони, колбасой и двойным сыром. Мы впятером устроились в кабинете; я занял стратегическую позицию поближе к пиццам и заработал несколько корочек за свои усилия и непревзойдённую скрытность.

– О, переключи обратно на тот канал! – вдруг сказала Мама.

– На этот? – спросил Макс.

– Да! Я так давно не смотрела «Бриолин». Поверь, он тебе понравится.

И он мне понравился. Очень, очень понравился.

«Бриолин» – настоящий шедевр кино с чудесными песнями, в том числе «Ты – то, что мне нужно» и «Мы идём вместе». На экране не появляется ни одной собаки, но я не в обиде, потому что там есть всё, за что я люблю людей: страсть, танцевальные номера, стойкость человеческих сердец. Сердца – это самое сложное, что есть у людей; я узнал об этом от Сэнди и Дэнни, главных персонажей «Бриолина», которые сначала расстаются, а потом снова сходятся. После первого просмотра я почувствовал в себе необычайную лёгкость. Я пытался не вести себя слишком возбуждённо, слишком непохоже на себя, но перед сном я сунул нос в миску с водой и несколько раз фыркнул, наблюдая, как пузырится и разлетается жидкость, – пожалуй, это было очевидным знаком того, что меня вдруг настигло полнейшее счастье. Той ночью я быстро уснул. И мне снились танцы.

В каком-то смысле я никогда по-настоящему не останавливался.

4

Завидовать – не в моей природе. Хотя я знавал собак, которые очень злятся из-за своей ограниченности и сравнивают себя с людьми. «Вы не виноваты, – пытаюсь успокоить их я, – что у вас нет больших пальцев, чтобы нажимать на пульт управления телевизором, а ваш язык слишком неповоротлив, чтобы говорить». В конце концов, у собак есть немало преимуществ перед людьми.

Вот один пример: я никогда не видел, чтобы человек вставал на четвереньки и прижимал лицо к земле, пытаясь выследить запах. Их носы намного слабее наших. Я не ищейка, но смогу узнать запах Макса где угодно; я смогу пройти по запаху его следов через лес, усыпанный листьями. Если вам нужно больше доказательств, пожалуйста, обратитесь к книге «Убить пересмешника», которую Макс читал во время прошлых летних каникул. Ни одной собаке не нужно

специальное руководство для такой простой задачи! Нет, я, конечно, сам не убил ни одного пересмешника, но, чисто ради спора, это было бы просто оскорбительно просто: отследить по запаху, схватить птицу зубами, сжать зубы.

Вот в чём ещё собаки превосходят людей: мы признаём опасность там, где люди этого не делают, – они намного упорнее её отрицают, чем мы. Мы легко и часто прощаем. А ещё мы не станем демонстрировать эмоцию, которую в действительности не ощущаем; вспомните хотя бы, как часто люди говорят: «У меня всё хорошо», когда им вовсе не хорошо.

Я завидую людям лишь в двух отношениях.

Во-первых, человеческие семьи держатся вместе всегда, в богатстве и в бедности, в горе и в радости, потому что их связывает любовь. Я чувствую себя таким же членом семьи Уокеров, как Эммалина или Макс... но всё-таки мне жаль, что я не знаю своих братьев и сестёр. Даже маму я помню очень смутно.

И, во-вторых, танцы.

Несмотря на все свои недостатки, люди умеют танцевать.

В первые мои годы Мама и Папа включали джаз и танцевали босиком на кухне. Они переплетали руки и покачивались туда-сюда, иногда поворачиваясь, а я изумлённо тарасился на них. Как у них получается так хорошо кружиться? Как они могут так наклоняться? Поскольку я собака, я сначала пытался их разнять; в дикой природе, если животные хватаются друг за друга, это обычно значит, что они дерутся. Так что я влезал между их ног, толкал под колени, наступал на пятки.

Но они всё равно танцевали.

Иногда Мама и Папа надолго уходили вечером и возвращались усталые.

– Видел бы ты нас, – говорили они, описывая каждую подробность: песни, атмосферу, как они двигались.

Лишь после того, как родились Макс и Эммалина, во мне наконец что-то щёлкнуло, и я впервые понял, что танцы – это продолжение души. Я, конечно, склонен к преувеличениям, но должен сказать без всяких гипербол и приукрашиваний, что танцевальные вечера преобразили мою семью. Мама и Папа теперь оставались дома, сворачивали ковёр в гостиной, и они все вчетвером вместе прыгали, кружились и вскидывали руки, а музыка разносилась по всему дому. Макс был очень робким, но вот в гостиной он вертелся, дрыгался, скакал.

Он был собой!

«Космо, – всегда звал меня он прямо во время танца, – иди сюда!»

А я в ответ отодвигался подальше, прижимаясь к спинке дивана. Когда я бегал (гоняясь за теннисным мячиком на собачьей площадке, выбираясь со двора, чтобы догнать школьный автобус Макса), я чувствовал себя текучим и бесконечным, словно скольжу по небу. В такие моменты я ближе всего подбирался к тому, что видел на танцевальных вечерах или в фильме «Бриолин». Я помню о своих ограниченных способностях. Особенно сейчас – мои суставы и кости уже не позволяют долго стоять на задних лапах, элегантно кружиться и легко прыгать с места на место.

Я могу только мечтать. И мечтаю.

5

Начало ноября пролетает незаметно, и несколько замечательных недель кажется, словно происшествия на Хеллоуин не было. Печальный запах испарился с кухни. Мама и Папа не повышают голоса. А Макс занят строительством ракеты для научной выставки; она взлетит на двести футов в воздух, прямо к звёздам, которые он так обожает. Погода на удивление тёплая, и мы с Эммалиной развлекаемся, прыгая в кучи осенних листьев и хохоча до одури. По выходным Папа готовит завтрак – банановые оладьи, яичница с беконом, – и Макс тайком суёт мне кусочки, которые я с радостью поглощаю. Иногда я оставляю полосочку бекона про запас на чёрный день, потому что никогда не знаешь, когда чёрный день настанет.

Вечером перед Днём благодарения я чувствую, словно что-то изменилось. Предчувствие урагана, словно что-то вибрирует на горизонте. Всё начинается за обеденным столом, когда Эммалина и Макс обводят карандашами руки и складывают фигурки индеек из бумаги, а я кладу голову на колени Макс, отчаянно надеюсь, что он обратит на меня внимание.

- Хитрюга, - говорит он, с улыбкой глядя вниз.

Отложив индейку (вот тебе, глупая птица!), он уже собирается погладить жёсткий мех на моей спине - но тут через заднюю дверь врывается Мама и с грохотом швыряет на стол десять целлофановых пакетов с покупками.

- Дэвид! - кричит она.

Из кабинета выбегает Папа, его волосы взъерошены.

- Что?

- Почему мне только что позвонила твоя мама и сказала, что они со Стивом приезжают на День благодарения?

- Бабушка и дедушка приедут? - радостно вставляет Эммалина, ничего не понимая.

Макс кладёт ладонь ей на руку и качает головой. Человеческое общение по большей части бессловесное, и, наверное, это одна из причин, по которой я чувствую к людям такую близость: я тоже полагаюсь на жесты.

- Я пригласил их, - напряжённо говорит Папа. - Мне же можно это сделать, правильно?

- Конечно. Но ты сказал, что не будешь этого делать, и я купила еды только на четверых...

- Тогда пойдём и купим ещё.

- Тут дело принципа, - говорит Мама. - А в магазине настоящий бедлам.

- Ладно, - отвечает Папа и протягивает руку. - Я схожу. Дай мне ключи.

- Нет, я...

- Я схожу.

Я знаю, что интонации тоже имеют значение. Простые слова могут ранить - достаточно произнести их немного иначе.

Макс слегка тянет меня за ошейник и держит Эммалину за маленькую ручку. Мы втроём, стараясь не шуметь лишней раз, уходим в его комнату, и он закрывает дверь.

Обычно я не могу запрыгнуть с пола на кровать, а Макс недостаточно силён, чтобы меня поднять. По словам ветеринара, я вешу сорок три килограмма - слишком много для собаки моей породы. Впрочем, в особых случаях Макс подставляет небольшую лесенку. Вот и сейчас он помогает мне подняться по ступенькам, и я укладываюсь на мягкую кровать.

- Вот, - говорит он. - Вот так.

И я вдруг почти забываю о ссоре Мамы и Папы в кухне - потому что... смотрите на меня! Посмотрите на меня, я свернулся на этом одеяле, словно на вершине мира! Я виляю хвостом и не могу ничего с собой поделаться.

Эммалина тоже забирается на кровать и укладывает голову между моими передними лапами.

- Космо, - тихо говорит она, разглядывая мои челюсти, - ты такой смешной, если смотреть снизу.

Я замечаю наше положение и пользуюсь возможностью, чтобы облизать ей нос. Он тёплый и сухой. Это меня расстраивает: Эммалина никогда не познает радости от прикосновения мокрого носа к свежескошенной траве, от того, каково это - держать холодный нос по ветру.

Она пищит и отползает подальше.

В углу комнаты Макс включает ноутбук. В последние несколько лет я слышу это слово всё чаще, потому что Макс постоянно смотрит на фотографии звёзд на экране. Иногда он показывает на светящиеся точки и называет мне названия вроде «Орион» или «Большой Пёс», а я всегда сижу очень-очень тихо, чтобы слушать не только ушами, но и сердцем. Сейчас он ставит ноутбук так, чтобы нам тоже было видно, и Эммалина вытягивает ноги. На них длинные синие носочки.

- Это облака? - спрашивает она, показывая на разводы на экране.

- Ага, - тихо говорит Макс. - Вид сверху. Космонавты их так видят с Международной космической станции.

Голоса Мамы и Папы в кухне становятся всё громче, и мне настолько не по себе, что хочется пописать. Такое всегда случается, когда я беспокоюсь, - даже если я только что вернулся с улицы. Я очень редко делаю лужи в доме, но даже самая маленькая лужица для меня - настоящий стыд и позор. Я пытаюсь сосредоточиться на чём-нибудь другом: тёплом одеяле, жужжании потолочного вентилятора, приятном запахе комнаты Макса (она пахнет перечной мятой, травой и им самим). Я думаю о дополнительных порциях спагетти и о семейных танцевальных вечерах, хотя их уже довольно давно не было.

Макс вздыхает. Эммалина подползает к нему и кладёт голову ему на плечо.

Я сдерживаю позывы.

Это самое малое, что я могу для них сделать.

Утро Дня благодарения пасмурное и дождливое. Прикрываясь огромным зонтиком, мы с Максом быстро обходим округу, чтобы я сделал свои дела до

приезда Бабушки и Дедушки. Мы идём прямо по лужам на тротуаре, и повсюду чувствуется запах индейки.

Я просто обожаю индейку, хотя у меня редко спрашивают мнения по поводу праздничных ужинов. На День благодарения, Пасху и Рождество правила для меня очень простые:

– не лай слишком много;

– не ешь, если тебе этого не предложили;

– если мы куда-то едем и ты видишь кошку, не дразни её.

Единственный, кто обращает внимание на мои предпочтения в еде, – Макс. Он даже знает наизусть мои любимые праздничные блюда: окорочка индейки (сочные, мясистые, вкусные), потроха индейки (очень хорошо жуются) и те самые миниатюрные колбаски в тесте.

Достаточно подумать о еде, и у меня уже слюнки текут. Но я иду вперёд, сверкая лапами, пока мы не останавливаемся у сосновой рощицы. Макс тянет за поводок, останавливая меня; земля вокруг мягкая и хлюпает.

– Можно, я расскажу тебе секрет? – спрашивает он, держа одну руку в кармане.

Я надеюсь, что этот секрет звучит как «Я припрятал для тебя печенье в кармане джинсов», так что отвечаю: «Конечно». Он переминается с ноги на ногу, его кроссовки погружаются глубже в сосновые иголки. Во всём мире вдруг становится очень тихо – слышно только наше дыхание, и грязь, и дождь. Я склоняю голову, наострив уши.

Макс выпаливает:

– Если бы я мог, я бы отменил День благодарения в этом году.

Я пытаюсь понять смысл его слов. Как вообще можно отменить День благодарения, особенно когда тебя кормят индейкой? А как же колбаски, Макс? Ты же помнишь про колбаски?...

– Просто... – начинает он, потом запинается. – Просто всё становится только хуже, когда Мама и Папа притворяются счастливыми на глазах у других. Потому что мне кажется, что на самом деле они не очень счастливы.

Вот теперь, после этого объяснения, я начинаю понимать. Я трусь носом о его ладонь, снова и снова, чтобы сказать: «Я с тобой». Если бы я мог говорить словами, то рассказал бы ему о том, как Мама и Папа танцевали много лет назад, как они кружились босиком, как включали джаз на кухне. Я бы сказал, что тоже скучаю по танцевальным вечерам. Хотя я сам в них не участвовал ни передними, ни задними лапами, я очень любил смотреть на свою семью – как они скользили и кружились, раскрыв души нараспашку. А Макс, мой Макс – он всегда казался таким бесстрашным. В такие ночи мы заказывали большую пиццу и открывали все окна; мы засиживались до тех пор, пока белки не засыпали, а жужжащие жуки не выбирались из подземных нор.

Моя семья так не танцевала уже довольно давно – даже не хочется говорить, сколько. Сейчас Мама и Папа ссорятся из-за человеческих вещей, совершенно неважных. Они ссорятся из-за мусорных баков, и протекающей трубы в ванной комнате, и каких-то «квитанций», хотя я не понимаю – и, наверное, никогда не пойму, – как можно ссориться из-за чего-то, что звучит так похоже на «танцы»?

Макс ковыряет в грязи носком кроссовки, словно там спрятана пищащая игрушка.

– Ты, наверное, об этом не знаешь, – говорит он, – но дядя Реджи – помнишь его? Он должен был приехать на День благодарения, но задерживается на пару дней, и мама очень расстроилась. Она не сказала мне, но я и так знаю. Я слышал, как она плачет. Опять.

Это для меня новость. Обычно я очень хорошо понимаю, что происходит в нашей семье, – знаю о наших планах, наших эмоциях. Но иногда звонок в дверь застигает меня врасплох, и на коврике появляется незнакомая обувь со сложенными внутри носками. По запаху носков о человеке много чего можно сказать: что он ест, как часто моется, счастлив он или чем-то обеспокоен. Я никогда не забываю запаха носков. В последний раз я видел брата Мама, дядю Реджи, ещё щенком, но его запах до сих пор прячется внутри меня. Земля и овёс. Гамбургер на кончиках пальцев. Лосьоны, которыми люди натираются, чтобы выглядеть гладкими и лоснящимися.

Ещё я помню его волосы, его спутанные длинные тёмные пряди, которые я пытался кусать, потому что был ещё маленьким и несмышлёным. Он рассмеялся, словно у него в животе что-то подпрыгивало, – а потом разрешил пожевать свои волосы. «О, намучаетесь вы с ним», – сказал он Маме. У него в родословной, похоже, где-то затесался бульдог: его улыбка была широкой и доброй.

«Обязательно воспитывайте его хорошо», – сказал он.

И Мама ответила: «Воспитаем».

На следующий день дядя Реджи исчез вместе с обувью и носками. Иногда я слышал его голос из разных предметов, стоящих дома (ноутбука Макса, телефона, который трезвонит в гостиной), и мне всегда было интересно – взаправду ли я его слышу, или мне кажется? Может быть, мне настолько понравился его запах, что я сам себе выдумываю его звуки?

– Ладно, – говорит Макс, качая головой. По зонтику стучит дождь. – Наверное, пора домой. Делай свои дела, Космо. Пожалуйста.

Наш разговор не должен закончиться вот так. Максиму нужно выговориться, я ясно это чувствую. Но ещё я чувствую сильнейшую ответственность, когда облегчаюсь в лесу. Выбор места, чтобы присесть, требует инстинкта и наблюдательности, таланта и храбрости. Если я найду клочок земли, помеченный бордер-колли, то я тоже должен его пометить, чтобы прогнать зло.

Собака-демон может прятаться где угодно.

Оглянувшись через плечо, я делаю всё необходимое у корней дерева, и мы с Максом не спеша возвращаемся домой. Он насвистывает тему из «Звёздных войн» – это несколько фильмов, которые мне очень нравятся, хотя там вообще нет собак. Мне очень нравится Чубакка, самый волосатый персонаж, потому что его шерсть похожа на мою.

На подъездной дорожке Макс перестаёт свистеть.

Под нашим баскетбольным кольцом припаркована машина Бабушки и Дедушки.

Хотя Эммалина и Макс обожают родителей Папы, мне кажется, что они пахнут как лук: колючие, острые. В таких делах я доверяю животу и носу. И тот, и другой всегда говорили мне, что к Бабушке и Дедушке надо относиться с осторожностью, особенно после прошлого Рождества, когда Дедушка выгнал меня на улицу перед ужином. «Уходи, – сказал он, подталкивая меня коленом. – В кухне собакам не место».

А потом закрыл дверь прямо перед моей мордой.

Небо потемнело, и я провёл час – а может, и пять часов, – разгуливая вокруг качелей на холодном заднем дворе. А ещё я выкопал глубокую-глубокую яму у мусорных баков. Она вышла настолько бездонной, что у меня даже голова закружилась, и в голову пришла мысль, не съесть ли немного земли из растущей груды возле моих лап. Но я не стал. Ещё щенком я на горьком опыте понял, что живот, полный грязи, уж точно не улучшит настроение.

– Так, – говорит сейчас Макс, дыша напряжённо, грудной клеткой. Я вижу, как она поднимается и опускается. – Пойдём.

Внутри мы сушимся у входной двери. Я вытираю лапы о коврик, как меня учили, и отряхиваюсь, сбрасывая с шерсти капельки дождя.

Бабушка торопливо подходит к нам и крепко обнимает Макса.

– Вот он, мой мальчик! Ой, как ты вырос! Я за тобой не успеваю!

Макс ёжится, от него пахнет тревогой. Его кадык дёргается, и я узнаю знакомые знаки: пот на ладонях, колотящееся сердце. В этом, как мне кажется, мы похожи. Я понимаю, как это тяжело, когда не можешь говорить тогда, когда хочешь, когда язык, кажется, занимает весь рот, но наотрез отказывается двигаться, как надо.

– Счастливого Дня благодарения, – бормочет он, и это не голос Макса, не тот сильный голос, которым он говорит со мной. Таким голосом он говорит с незнакомцами, почтальоном и человеческими детёнышами, от которых, будь он собакой, у него бы шерсть дыбом встала.

– День индейки! – восклицает в ответ Бабушка. – Я запаслась штанами с широкой резинкой, чтобы съесть всё, что захочу!

Бабушка и Дедушка – из народа, который люди называют «флоридцы». Я так и не понял, что же это значит, но, полагаю, это как-то связано с большими, пушистыми свитерами, которые они всегда носят на праздники. Свитера до ужаса похожи на шерсть бордер-колли. Волей-неволей задумываешься: а что прячется под этим пухом? Что они скрывают?

Бабушка треплет меня по голове.

– Привееееееет, милый щеночек, привет, привет, как тыыыыыыы? Оооооооо, ты немного мокрый и пааааааахнешь, да?

Почему некоторые люди говорят с собаками вот так – растягивая слова, словно мы их не понимаем?

По крайней мере, она осознаёт, что я пахну просто фантастически.

– Я принесла тебе особый гостинец! – продолжает она. – Да-да!

Откуда-то из глубин свитера Бабушка извлекает печенье песочного цвета, и я уже знаю, что оно будет безвкусным, словно мел. Она протягивает его мне. Я не сразу разжимаю зубы, и она хмурится.

– Ты что, не хочешь печеньице?

Я беру печенье.

Ради семьи – беру. Если бы я его не взял, как бы это выглядело?

Мы втроём проходим в гостиную; там в телевизоре бегают маленькие человечки в шлемах. Папа и Дедушка кричат на них, а из кухни доносятся запахи. Индюшачий сок! Индюшачьи бёдрышки! Индюшачье всё! Я чувствую, как у меня изо рта вытекают слюнки. В перерыве футбольного матча Мама отводит Макса и Эммалину в их комнаты, чтобы они надели «хорошую одежду», а я иду с Папой на кухню, стуча когтями по полу. Я возбуждаюсь всё сильнее.

- Хочешь немножко? – спрашивает Папа.

Он берёт маленький кусочек индюшачьей ноги с противня и кормит меня ею с ладони. Я быстро прожёвываю кусок, оставляя длинный след из слюны.

Дедушка ворчит из-за спины.

- Ой, не трать хорошую еду на пса!

Эти слова оскорбляют меня сразу по нескольким причинам. Собаки ценят еду больше, чем люди (солёное или сладкое, форма, текстура во рту). Да и «пёс» – это просто невероятно грубо. Меня зовут Космо.

- Да ладно, это же совсем чуть-чуть, – говорит Папа, вытирая обслюнявленную руку полотенцем.

В кухню проскальзывает Бабушка. Они оба пахнут напряжённостью и дёргаются, словно птицы на деревьях. Бабушка берёт с блюда кусок морковки и грызёт её – но слишком слабо, и на пол ничего не падает. «Я здесь, – говорю я ей. – Если ты предложишь мне морковку, я не откажусь».

Вместо этого она говорит Папе:

- Ты подумал о том, что мы обсуждали?

Папа ощетинивается.

- Слушай, мам, не сейчас. Сегодня День благодарения.

- Говорю тебе, чем дольше это продлится, тем хуже. Подумай о детях.

- Я думаю о детях, – отвечает Папа. – Вот почему это так тяжело.

В его глазах горит сердитый огонёк, словно он только что заметил, как Бабушка написала на ковёр.

- Давай не будем говорить об этом при...

- Ком? - перебивает Дедушка. - При псе? Да он слышит только бла-бла-бла, Космо, бла-бла-бла.

На секунду я просто ошеломлён. Меня оскорбляют настолько в открытую в собственном доме?!

- При Зоре и детях, - тихо отвечает Папа. - Они в другой комнате.

Бабушка догрызает морковку, так ничего мне и не предложив.

- Ладно. Но рано или поздно тебе придётся принять решение. Увильнуть не получится.

После этого они находят себе дела на кухне. Я раздумываю над словами Бабушки, слушая грохот кастрюль, лязг утвари, шипение чеснока на сковороде. Когда запах становится таким сильным, что я чихаю, из коридора появляется Эммалина. На ней костюм в горошек, а на плечах развевается плащ с Хеллоуина.

- Та-да! - восклицает она и кружится, её коричневая кожа блестит на свету.

Из-за её спины выходит Макс, пожимает плечами и говорит:

- Она очень хотела его надеть.

Папа улыбается, но одними губами.

- Очень хорошо. Ты похожа на Чудо-Женщину. - Он поворачивается к Макс. - Хочешь помочь с индейкой, здоровяк?

- М-м, - говорит Макс. - Хорошо.

Сидя на полу, я вижу всё. Папа разрезает индейку полностью и раскладывает куски по металлическому противню. Бабушка пытается освободить больше места на столе. Макс подхватывает противень с индейкой и говорит: «Я держу,

не беспокойтесь». Но противень слишком горячий, и он ставит его на кухонную табуретку – ту самую, с помощью которой Эммалина достаёт до раковины. Он уходит, чтобы взять пару прихваток. В эти секунды передо мной проносится целая туча возможностей. Индейка прямо передо мной. Ждёт меня.

Я слишком нетерпелив.

Я не могу сдержаться.

Несмотря на больные бёдра, я бросаюсь вперёд и хватаю зубами индюшачью ногу. Время словно останавливается. Меня охватывает ужасное чувство, словно я что-то не рассчитал: то ли силу укуса, то ли скорость, с которой мой нос воткнулся в птицу. Табуретка покачивается. Потом покачивается противень. А потом всё вместе медленно-медленно плюхается на пол, во все стороны разлетаются потроха, сок и мокрая морковь.

Меня охватывают одновременно ужас и невероятная радость. Индейка на полу! Я бросаюсь к разбросанным кусочкам и пытаюсь запихнуть в рот как можно больше и быстрее. Надо мной звучат приглушённые голоса:

– Что?!

– Космо!

– Нееет!

Но в этом мире, в этот момент, существуем только я и индейка, и я хочу завоевать её. Я хочу жить внутри неё. В горле горячо. Я ем и давлюсь, давлюсь и ем, а потом меня тянут за ошейник и оттаскивают. Только тогда я понимаю, что же натворил. Папа смотрит на меня с невероятным разочарованием. Бабушка хватается за сердце. Но Макс бросается на мою защиту.

– Это не он виноват! – говорит Макс. – Он, наверное, очень хотел есть! Это я виноват. Я... простите. Противень... Не злитесь.

– О господи! – восклицает Мама, вбегая в кухню. – Что произошло?

Она смотрит на меня. Мой рот перепачкан слюной и индюшачьим жиром.

Папа говорит:

– А ты как думаешь?

Мама моргает.

– Ладно, всё нормально, мы просто... Закажем индейку? Уверена, что-нибудь ещё открыто.

– В День благодарения? – злится Папа.

– Да, – сквозь зубы отвечает Мама.

– Не ссорьтесь, – говорит Макс, разглядывая индейку, хотя обращается он, скорее всего, к Маме и Папе. – Пожалуйста, не ссорьтесь.

Я съёживаюсь. Мне очень стыдно. От меня по праздникам почти ничего не требуют, а я нарушил золотое правило: не ешь, если тебе этого не предложили. Я смотрю на катастрофу, устроенную своими собственными лапами, и думаю: вдруг это просто плохой сон?

Дедушка говорит:

– Вот почему в кухню нельзя пускать собак.

В следующие несколько минут Макс убирает на кухне, вытирая пол целой горой бумажных полотенец. Мама заказывает пиццу: «Здравствуйте? Вы открыты? Уф. Замечательно». А Эммалина расставляет по столу бумажных индеек. Когда привозят пиццу, я прогоняю себя из комнаты и держусь как можно дальше от сырного запаха. В животе тяжким грузом лежит чувство вины. И индейка.

Лишь много позже мы с Максом снова разговариваем.

Мы сидим на крыльце, я положил нос ему на сгиб локтя, а хвост повесил. На коленях у него кусок тыквенного пирога, но я даже не пытаюсь его лизнуть. Мы одни, а над нами – осеннее звёздное небо.

– Эх, парень, – говорит он, глядя вверх.

Макс однажды сказал мне, что любит небо так же, как я люблю теннисные мячи, и, возможно, это правда. Мяч никогда не бывает просто мячом: это запах, прыжки, воспоминания. Походы и барбекю, зима и лето, мы с Максом играем в полях. «Да, так оно и есть, – сказал он. – Для тебя теннисный мяч – то же, что для меня небо». Потом он почесал у меня за ушами и объяснил, что вселенная расширяется, а великий учёный по имени Карл Саган[3 - Карл Саган (1934–1996) – американский астроном, астрофизик и выдающийся популяризатор науки. Дал толчок развитию проекта по поиску внеземного разума.] отправил в космос золотой диск. «На нём куча картинок, – сказал Макс, – а ещё звуки Земли: шум машин, звуки океана, пение китов».

«А собаки? – хотел спросить я. – Как же собаки?»

Макс опускает голову, смотрит на меня и глубоко вздыхает.

– Я знаю, что ты не нарочно с индейкой. – Он замолкает. – Ну, точнее, я знаю, что ты нарочно, но будь я золотистым ретривером, наверное, поступил бы так же.

Если бы он был золотистым ретривером? Он что, считает, что это возможно – точно так же, как я считаю, что могу стать человеком? Я представляю, как ловко ловлю мячи – не ртом, а руками. Я бы мог читать книги и понимать все слова. Я был бы добрым и мягким.

– Мне жаль, что все из-за тебя расстроились, – говорит Макс. – Все очень напряжены, потому что, мне кажется, Мама с Папой хотят... Они хотят...

Он замолкает, и я подталкиваю его, чтобы сказать: всё нормально. Не спеши. У нас достаточно времени.

Лунный свет неслышно проникает на крыльцо, освещая тротуар и улицу. Странная тыква на газоне выглядит печально – пустая внутри и поникшая. Её

уже обжили муравьи, они ползают по ней туда-сюда, и мне очень хочется их съесть, если получится. Я хочу гоняться за ними, приложив нос к земле и выслеживая по одному.

– Они хотят развестись, – наконец договаривает Макс срывающимся голосом. – Мама как-то говорила по телефону, думала, что я не слышу, и она сказала, на самом деле сказала это слово. Развод.

Он закрывает глаза руками и вздрагивает. Его плечи трясутся. Я никогда не чувствовал от него такого запаха – гневного, встревоженного, испуганного. Нас накрывает молчание, а я слишком удивлён, чтобы двигаться. Я слышал слово «развод», но всегда в кино, никогда – в реальной жизни и уж тем более – в нашей семье.

А теперь кто-то тревожно пыхтит – и, вздрогнув, я понимаю, что это я. Я дышу всё тяжелее и тяжелее, пока мне не кажется, словно я не успеваю за собственным дыханием. Раньше, после танцевальных вечеров, моя семья ложилась спать прямо на полу в гостиной. Макс помнит об этом? Крекеры и туго набитые спальные мешки. Они снимали носки, а потом через несколько часов, когда холодало и всходила луна, надевали их обратно.

– Космо? – говорит Макс, прижимая руку к моей груди. – Эй, всё нормально. Спокойнее, парень. Спокойнее. Скорее всего, ты просто индейки переел.

Но это не индейка. Точно не индейка.

– Жаль, что я не знал, что произойдёт, – говорит он после долгой паузы, когда моё дыхание замедляется. – И не знаю, произойдёт ли вообще. Я знаю только одно: хочу, чтобы мы были вместе. Мы должны остаться вместе. Ты и я.

Я скулю откуда-то из глубины души.

Потому что я не мог себе представить, что хоть в какой-нибудь вселенной мы будем не вместе.

Бабушка и Дедушка, к моему разочарованию, остались ещё на два дня. Ими пропах уже весь дом. По ночам они посыпают себя кучей всяких средств после душа и носят тапочки, которые Дедушка прячет от меня подальше.

– Это не для собак, – ворчит он на меня, хотя его обувь на самом деле очень унылая. Его тапочки меня совершенно не интересуют.

За завтраком из хрустящих хлопьев и молока я слышу, как Бабушка и Дедушка обсуждают бордер-колли – они гладят её на утренней прогулке, она такая дружелюбная. Дружелюбная! Нет, вы представляете?

Чтобы поменьше с ними видеться, я в основном провожу время на крыльце с Максом, наблюдая, как последние листья опадают с деревьев. Когда Макс прижимается ко мне, хватаясь пальцами за шерсть, я раздумываю: вдруг нас на самом деле разлучат?

– Такое бывает, я сам видел, – объясняет он шёпотом. – У одного мальчика в школе родители развелись, и он остался жить с мамой – а папе досталась собака. Думаю, так часто бывает. Маме отдают детей, но папе тоже кто-то нужен, чтобы ему не было одиноко. Но это нечестно. Неправильно. Взрослые могут делать, что им вздумается, но почему детям устраивают развод с их лучшими друзьями?

От одной мысли, что Макс останется с Мамой, а я – с Папой, у меня в животе урчит. Люди всегда говорили, что мы с Максом неразлучны, связаны так тесно, что иногда я даже сам не понимаю, где заканчивается он и начинаюсь я. Мы любим одни и те же хот-доги. Смотрим одни телепередачи. Нас обоих интересуют звёзды.

Даже хорошо, что только у одного из нас тело покрыто шерстью. Иначе нас точно было бы не различить.

Кроме школы и редких отпусков, когда меня отвозят на передержку и я целыми днями валяюсь на незнакомой траве, мы с Максом расстались только один раз, в Сойер-парке. Он катался на большой синей горке, а я лаял, стоя рядом с качелями, и Мама всего на секунду отвернулась. Всё случилось буквально за один взмах моего хвоста: из-за холма показалась бордер-колли. Злой гений – я

не могу этого отрицать. Потому что ещё через мгновение Макс исчез. Я до сих пор не понимаю, как бордер-колли удалось выманить его с детской площадки. Но я помню, как Мама хватала себя за волосы, а в моей груди расплзался страх, тяжёлый, как грязь. Она спустила меня с поводка, и я кинулся на поиски со всех ног. Да, я тогда был молод. Я ещё мог бегать. И я не остановился, пока не нашёл Макса возле лотка с мороженым; клубничный шарик уже начал таять и перепачкал ему руку.

Сидя на крыльце, я впервые на самом деле захотел стать человеком, потому что люди умеют отрицать. Человек может убедить себя, что Мама и Папа в конце концов перестанут ссориться, что любовь связывает все семьи. Но вот собака... если собака унюхает что-то неприятное, она не сможет отрицать, что это «что-то» воняет.

Но у меня всё равно не укладывается это в голове. Если Мама и Папа разведутся, мы с Максом можем оказаться в разных домах. Как я смогу его будить по утрам, щекоча усами? А Эммалина! Кто будет охранять её мелки на подъездной дороге, пока она рисует линии на земле? А как же семейные пикники с миниатюрными кусочками сыра и сэндвичами с арахисовым маслом, которые так приятно пережёвывать, и одеялами, на которых мы лежим, подставив животы небу?

Однажды мы впятером съездили на ферму, где я познакомился с лошадьми и животными, которые не были лошадьми, и в воздухе стояли сильнейшие запахи. Макс, Эммалина и я стояли у забора и смотрели, как по пастбищу скачут кузнечики. Я был быстрым, а когда было нужно – очень упрямым, так что я выломал доску в заборе и огромными прыжками бросился за насекомыми, а Макс и Эммалина сидели у меня на хвосте. Мы никогда так громко не смеялись, даже на танцевальных вечерах.

Так нельзя – чтобы я жил в одном доме, а Эммалина и Макс – в другом. Я не могу гулять по полю, заднему двору или подъездной дорожке без них.

К утру воскресенья боль в животе переросла в плотный, тяжёлый груз.

Вот вафли, мы не спеша их едим, а фоном по телевизору разговаривает канал «Погода».

– Хорошие условия для поездки, – говорит Дедушка. – Солнечно.

А я просто радуюсь, что они уезжают.

Я виляю хвостом, провожая взглядом их тархтящую машину. Макс наклоняется и хлопает меня по боку. На нём футболка, которая пахнет его собственным запахом больше всего. Она сине-жёлтая. Это мои любимые цвета, потому что я их вижу – они такие яркие и чёткие.

– Эй, Космо, – говорит он. – Хочешь покататься на машине?

Я смотрю на него, на волосок, который вьётся над голым ухом, на его фантастические длинные руки, которыми он может доставать столовые приборы и печенье, – я так никогда не смогу. И я говорю ему: «Да, конечно, да», хотя даже не представляю, куда мы едем. Поездки на машинах обычно всегда заканчиваются хорошо. А нам сейчас не помешает что-нибудь хорошее.

Мама торопливо открывает фургон и помогает Максиму посадить меня внутрь. Наш фургончик просто потрясающий: крошки на дне подстаканников, кусочки чипсов между сиденьями и много свободного пространства: когда у меня есть настроение, я забираюсь на водительское сиденье, когда Мама за рулём. Ей это тоже нравится. Мы смеёмся и кричим, а машина так весело дёргается на дороге.

– Я немного нервничаю, – говорит Макс с заднего сиденья.

Он пристёгивается и опирается на меня. Я знаю свою задачу: я должен его держать.

– Нервничать – это нормально, – отвечает Мама.

Я замечаю, что она убрала волосы под платок – когда мы были моложе, она его носила постоянно. Платок расшит звёздами.

– Ты с ним виделся нечасто – в основном разговаривал по телефону. Сколько там... восемь? Восемь лет вы с ним не встречались? То ли Рождество, то ли День благодарения во Флориде.

– Ага, восемь, – говорит Макс, закусив губу. – А вдруг он меня больше не любит?

- Не глупи. Он всегда будет тебя любить.

Я упираюсь челюстью в подоконник. Мы едем по гладким дорогам, потом останавливаемся на многолюдной парковке, дорога под ногами кажется прохладной. Первая мысль - «продуктовый магазин», но почему Макс говорит, чтобы я шёл с ним? Я держусь поближе к его ногам, удивляясь звукам: люди окликают друг друга, клаксоны гудят, скользят стеклянные двери. И я наконец понимаю: мы в аэропорту, я часто видел это место по телевизору. Почему-то мне казалось, что там тише, а вот разных чемоданов побольше.

Чемоданы приводят меня в ужас - даже сама мысль о них. Большие угловатые штуки бесконечного объёма, они пожирают твои вещи, а потом выплёвывают их обратно. Они преследуют твою семью, угрожающе катясь ей вслед. А когда они закрыты - кто знает, что там внутри? Там может быть всё, что угодно! У Папы сумка на колёсах была особенно жуткая, и иногда я пытался посидеть рядом с ней. Чтобы проверить себя. Чтобы справиться со страхом неизвестности. Но я всегда отказывался от этого предприятия: я, конечно, смелый, но не до такой степени.

Стоп. Аэропорт. У меня шерсть встаёт дыбом, когда я понимаю, что? происходит. Вот и всё? Я расстаюсь с Максом? Макс расстанется со мной? Я в ужасе упираюсь ногами в пол, так сильно, что Максиму приходится тащить меня по скользкому-скользкому полу.

- Пойдём, - говорит он. - Тут нечего бояться.

И я верю ему. Пытаюсь ему верить. Он никогда раньше мне не врал.

Мама идёт немного впереди и несёт большие воздушные шары на верёвочках, которые выворачивают ей руку.

- Ю-ху! - вдруг кричит она и машет рукой.

Она часто так подзывает меня, и я не сразу понимаю, в чём дело. Я и так здесь! Вот он я! Но потом я вижу человека, который всё быстрее и быстрее идёт в нашу сторону, скрипя подошвами по плитке. Он бросает рюкзак и обнимает Маму; та крепко прижимается к нему и тихо всхлипывает. Я опасаюсь, уж не слишком ли сильно он её обнимает, и решаю проверить, в чём дело. Так что я тяну за

ошейник и обнюхиваю незнакомца, который...

На самом деле не незнакомец!

- Привет, старый друг, - говорит дядя Реджи, улыбаясь той самой бульдожьей улыбкой.

Он так похож на Маму - гладкая коричневая кожа, тёплое, доброе лицо. Он опускается на колени и целует меня в макушку, и мне кажется, что времени не прошло вообще нисколько и я до сих пор щенок. Я стучу хвостом по полу. Этот человек! Вы даже не представляете, насколько он потрясающий, хотя его голова теперь совершенно лысая, и я больше не могу кусать его за кончики волос.

- Помнишь меня? - спрашивает он, смеясь.

Конечно! Он пахнет точно так же. Его глаза такие же - большие, глубокие, с морщинками, когда он улыбается. Я смотрю ему в глаза. Если верить «Классическому кино от Тёрнера», люди ценят прямой контакт. Глаза, как они считают, - зеркало души. А у дяди Реджи душа замечательная.

Он мягко хлопает меня по спине, потом встаёт и обнимает Макса.

- Эй, чемпион.

- Привет, - бормочет Макс, расслабляясь в объятиях дяди Реджи.

- Спасибо, что приехал с мамой. Мне очень жаль, что я пропустил День благодарения. Уверен, всё было замечательно.

Отпустив Макса, он хватает свой рюкзак, копается в нём и достаёт блестящий кусочек бумаги.

- Надеюсь, ты не возражаешь - я для тебя кое-что достал.

- Ух ты, - говорит Макс, забирая подарок. Его голос даже не скрипит. - Это... Ух ты. Спасибо. Она с автографом?

– Ага, – отвечает дядя Реджи, тыкая пальцем в фотографию. – Этот парень приехал на базу, и я всё ему о тебе рассказал. Сказал, что мой племянник хочет стать космонавтом, как он. – Он гладит Макса по голове – точно так же, как до этого меня. – О, я так рад видеть тебя снова.

Волнение никуда не девается и по дороге домой, когда мы останавливаемся в любимом придорожном ресторане Макса. Вы не поверите, что я там нашёл! Котлету от гамбургера, упавшую в траву. Я жую её под столом для пикника, стараясь не выдать себя.

– Что это у тебя во рту? – спрашивает Мама.

– Ой, да ничего, – отвечает за меня дядя Реджи.

И я понимаю, что он знает. У нас есть секрет.

Позже, вечером, когда Макс отправляется спать, дядя Реджи устраивается на диване. Под одной из подушек спрятан кусок индюшачьего бекона – я просто не помню, под какой. Интересно даже, найдёт ли он его ночью? «С тобой я поделюсь», – думаю я.

В это время суток я очень не люблю покидать комнату Макса. Но иногда меня мучает нестерпимая жажда, во рту так сухо, что у меня просто нет выбора. Я отправляюсь на поиски миски с водой и тихо лакаю из неё. Я всячески стараюсь не шуметь, не беспокоить никого перед сном. Моим людям всегда не терпится лечь спать. Они торопливо ходят по дому и плескаются, Эммалина лезет в ванну, потом вылезает. Папа собирает сумку на утро и суетливо спрашивает, что ему приготовят на завтра с собой: курицу или спагетти, спагетти или курицу? А Макс читает книгу, чтобы успокоиться, хотя иногда, чтобы окончательно уснуть, ему требуется не один час. Во сне у него подёргивается нос.

Жетоны на моём ошейнике звенят, когда я делаю очередной шаг. Дядя Реджи у дивана поворачивается – и тоже звенит. На его рубашке висят жетоны, поблёскивая в свете лампы. Я изумлён. Человек с жетонами, как у собаки! А я-то думал, что уже всё в жизни повидал!

– Значит, я не последний, кто не спит, – говорит он, улыбаясь. – Всё нормально. Иди сюда. Не стесняйся.

Я подхожу к нему, и он гладит меня по голове. Он стирает капельки воды с моей морды и прижимается своим носом к моему. Я чувствую запах его грусти.

Он пахнет, как наша кухня.

– Должно быть, ты это всё видишь, – говорит он. – Сейчас ты наверняка знаешь их уже лучше, чем я.

Вдалеке шумит холодильник. Где-то в доме скрипит половица. Я слышу голоса: Мама и Папа тихо спорят, запершись в кладовке, чтобы их не слышали другие люди. Но я их слышу.

Я слышу всё.

– Защищай их сердца, – наконец шепчет мне дядя Реджи. – Обещай, что защитишь их сердца.

8

Иногда у меня чешется в таких местах, где я не могу почесать. Я уже стар, лапы у меня гнутся не так, как раньше, а кожу колет так сильно, что я могу только трястись. Когда Макс это видит, он сразу понимает: «Где чешется? Тут? Или тут?» Он чешет всё моё тело своими идеальными человеческими пальцами, пока не находит нужного места.

Я тоже хочу делать так для него, всегда. Давным-давно я обещал, что буду любить Макса с собачьим упорством. Если ему что-то надо, я дам ему это. И за годы я дал ему всё, что у меня есть: когда он болен, я не отхожу от него, когда расстроен – приношу свои любимые игрушки, когда полон энергии – не отстаю ни на шаг, бегая за ним по округе в прохладные осенние дни. Но в последнее время я всё чаще его подвожу. У него что-то чешется, а я не могу это почесать. Когда-то я мог бы бегать вокруг него кругами, отвлекая от запахов в кухне – стресса, гнева, печали. Теперь же я немалую часть дня сплю, а кинуть к ногам игрушку для жевания помогает далеко не всегда.

Той ночью я вертелся и метался в своей постели, слушая сверчков и вспоминая слова дяди Реджи. Интересно, у него такой же сильный нос, он чует то же, что и я? Воздух в нашем доме стал тревожным; он тоже это чувствует? Воздух кажется жёстким. Даже мой корм на вкус напоминает картон. Сколько я ни катаю его во рту, никакого вкуса не чувствую. Будь я человеком, наверняка свалил бы всё на погоду (на улице холодает), но я знаю, что на самом деле мы меняемся внутри.

На следующее утро Макс встаёт рано и чистит зубы, глядя в зеркало, – это всегда так впечатляет. (Он ни разу за всё время не поддался искушению съесть зубную щётку.) Я разглядываю линии на его пижаме, смотрю, как он аккуратно причёсывается. Я обожаю в нём всё. Представить, что мы будем жить порознь, просто невозможно.

– Ты, похоже, о чём-то глубоко задумался, – говорит он мне.

Так оно и есть.

На улице мы ждём большой жёлтый автобус, я виляю хвостом, касаясь мокрой травы. Макс кладёт руку мне на голову и вздыхает. Он в последнее время часто вздыхает.

Во двор выходит дядя Реджи. Мама говорит, что он останется с нами на праздники, пока не «привыкнет к обычной жизни».

– Можно составить тебе компанию? – спрашивает он.

Макс энергично кивает. Его ладони не потеют, а кадык не дёргается, и это значит, что Максу комфортно с дядей Реджи, – и мне тоже. Мы втроём ждём на единственном тёплом месте газона, маленьком кусочке рая под ноябрьским солнцем.

– И что у тебя сегодня в школе? – спрашивает дядя Реджи, убирая жетоны под рубашку.

– Ну, – говорит Макс, – пара контрольных, но после школы мой друг Чарли поможет мне в работе над ракетой. Мы встретимся в лаборатории. Он... он не

очень разговорчивый. И иногда это хорошо.

– Я в том числе поэтому люблю собак. Они отлично умеют слушать.

Дядя Реджи плюхается в траву рядом со мной, хотя на улице сыро. Его спортивные штаны тут же пропитываются росой.

– Я тут подумал: может быть, приготовить вам всем ужин? Что ты больше всего любишь?

– М-м-м... что угодно, лишь бы не тофу. От тофу меня однажды очень сильно тошнило, а потом Космо попробовал немного, и его тоже тошнило... Да и вообще оно невкусное.

Дядя Реджи задумчиво кивает со словами:

– Без тофу. Понял.

– Но Космо очень нравится сыр. Сэндвичи с сыром на гриле. Кесадила. Что угодно с моцареллой.

– А ему стоит есть сыр?

Макс запрокидывает голову, потом наклоняет вперед:

– Наверное, нет.

Это правда. У меня такие газы, что от них из комнаты все разбегаются. Иногда я сплю, а потом просыпаюсь в вонючем облаке, и очень трудно понять: это был я, или всё-таки какая-нибудь другая собака прокралась в дом, пукнула и сбежала. Макс зажимает нос со словами: «Космо, какая гадость», и мы громко смеёмся, пусть даже я и не всегда виноват.

Дядя Реджи говорит:

– Думаю, сэндвичи с сыром на гриле я как-нибудь сооружу.

– Только... – говорит Макс. – Только... не оставляй тарелок на столе. Мама с Папой постоянно ссорятся из-за посуды.

Дядя Реджи закусывает губу и произносит:

– Я запомню.

Мы немного стоим молча, а потом у нашего почтового ящика останавливается жёлтый автобус. Макс закидывает портфель за спину, взбегаёт по ступенькам и робко машет нам своими прекрасными руками.

– Научись там всякому! – кричит дядя Реджи.

Я много лет думал, куда же Макс ездит с целым рюкзаком настолько безвкусных вещей. Сначала я думал, что школа – это что-то типа собачьей передержки. (Большие будки. Много верёвочных игрушек. Прогулочная зона с травой и маленьким бассейном для плавания.) По большей части я был неправ, но я всё же знаю, что у Макса в школе есть друзья. Два лучших друга, Чарли и Зои – замечательные люди, которые всегда помнят, что меня можно гладить по голове. Макс говорит с ними, не запинаясь. Каждое лето мы вчетвером перекидываемся бейсбольными мячиками и ищем лягушек-быков в ручейке за домом Зои. Мы сидим у неё на крыльце, едим крендельки и слушаем ужасные звуки, которые издают птицы.

В последнее время с Зои я не виделся. Я опасаюсь, не связано ли это с тем, что в августе я облизал макушку её кота. Это просто прискорбная случайность. Никто даже не попытался меня выслушать.

Дядя Реджи гладит меня по спине круговыми движениями. Это очень успокаивает.

– Он очень хороший мальчик, ты знаешь?

Макс? Да! Макс – лучший мальчик. Когда я был моложе и боялся грома, Макс заворачивал меня в своё любимое тёплое одеяло. «Космо-буррито», – говорил он, прижимая мои лапы к груди и крепко обнимая. Мы сидели и раскачивались, пока облака не переставали гроыхать, словно сковородки и кастрюли. Я никогда ему

об этом не говорил, но иногда мне хотелось, чтобы началась гроза и он бы снова завернул меня, словно буррито.

«Защищай их сердца», – сказал дядя Реджи.

И я обязан это сделать, потому что Макс всегда защищал моё сердце.

Весь день я бегаю туда-сюда по дому, стуча когтями по полу. Я почти не смотрю в телевизор, хотя по «Классическому кино от Тёрнера» идут «Поющие под дождём» – один из величайших фильмов всех времён. Когда дядя Реджи выпускает меня днём, под ярко-жёлтое солнце, я не ухожу со двора; я слишком сосредоточен на своих мыслях, на том, как избежать расставания с Максом. Если считать в собачьих годах, я самый старший из Уокеров; удерживать семью вместе – это моя ответственность, моя привилегия

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Игра слов: Doggedly (англ.) [доггедли] – т. е. упрямо, упорно. Но первая часть слова в английском языке – дог – по звучанию совпадает со словом «собака» (dog).

2

«Бриолин» (англ. Grease) – музыкальный фильм 1978 года режиссёра Рэндала Клайзера. В фильме повествуется о романе старшеклассников Дэнни и Сэнди. Фильм, ставший классикой для семейного просмотра в США.

З

Карл Саган (1934–1996) – американский астроном, астрофизик и выдающийся популяризатор науки. Дал толчок развитию проекта по поиску внеземного разума.

Купить: https://tellnovel.com/sorosyak_karli/menya-zovut-kosmo

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)